

частности о праве на рыбные и зверные ловли. Обе стороны долгое время оспаривали каждая свое право на рыбные ловли, и в 1746 году (грамота Елиза. I от 12 мая) спор был решен установлением границы между обоими Войсками по р. Калмиусу. Этим было признано за Донским Войском право на рыбные ловли в Азовском море и гирлах р. Дона, т. е. подтверждено исконное право Войска на рыбные угодья.

В семидесятых годах XVIII ст., в связи с основанием крепости Св. Дмитрия, возник вопрос о рыбных ловлях в низовьях Дона и гирлах. К этому времени в низовьях Дона было построено много рыбных заводов, принадлежащих казакам. Часть этих заводов попадала в район будущей крепости, поэтому Войско возбудило ходатайство об оставлении заводов за ним. В 1768 г. 20 дек. Военной коллегией было разрешено всем крепостным жителям и гарнизону для собственного пропитания производить рыбную ловлю только в дачах согласно плана крепости (около 5 верст по Дону), не касаясь дач Войска Донского, — при чем было запрещено ловить рыбу крючьями и перегораживать Дон сетями и вентерями.

В 1769 г. (Указ 9 сент.) Азовская и Таганрогская крепости были включены в состав крепостей государственных с разграничением их от Войска Донского и установлением районов рыбных ловель для них с целью пропитания — Азову вверх и вниз по Дону по 2 версты (4 вер.), а Таганрогу по берегу моря к Черкасску на 5 верст, а по западному берегу на 10 вер., до Петрушинской косы включительно.

Законом не были довольны коменданты крепостей и ходатайствовали об изменении его в смысле расширения районов, а Войско Донское отпиской своей ссылалось на прежний закон 1738 года (грамота Елизаветы I) и право захватное, по которому оно (Войско) владело Кагальницким кутом (м. устьями рр. Дона и Кагальника) до 1762, когда прекратило там рыбный промысел в силу мирного договора с Турцией. В результате этих споров закон был изменен в отношении кр. Таганрога увеличением береговой полосы от Петрушинской косы до Санбецкой.

В 1771 году Войско послало отписку на неправильные действия в отношении рыбных ловель комендантов крепостей Азова и Таганрога. Таганрогский комендант построил собственные рыбные заводы на Петрушинской и Золотой косах и разрешил рыбный промысел купцам и иным жителям крепости на Санбецкой и Меновской косах, чем очень стеснял казаков. Грамотой от 10 апр. 1771 года было приказано вольных людей с крепостных и донских мест согнать, заводы уничтожить, а рыбный промысел на откуп никому не отдавать, добыч Войска Донского не касаться и никаких запретов ему не чинить. Азовский комендант отдал на откуп Кагальницкий кут и Гниловскую тонию разным купцам. По этому поводу упомянутой грамотой предписывалось откупщиков сослать, вентерные ставки снять „и впредь в обиду Войска Донского никому из посторонних рыбных ловель на откуп не отдавать и не допускать, а по р. Дону вентерными ставками запоров не чинить и крючья не метать“.

Грамотой от 10 июня 1771 года была вновь подтверждена граница рыбных ловель кр. Таганрога р.

Санбек, а Санбецкую косу, для свободного прохода рыбы в гирла Дона, оставить свободной „и рыбной ловли там никому не иметь“.

Грамотами от 27 мая 1793 г. Екатерины II и от 6 авг. 1811 г. и 19 ноября 1817 г. Александра I были снова подтверждены права Донского Войска на рыбные угодья, „на которые казаки с давнего времени простирали свои права“.

В конце XVIII ст. в низовьях Дона основались целые селения, принадлежавшие частью донским чиновникам, частью б. крепостям. Незаконность их поселения, вопреки исконным правам Войска Донского на низовья Дона, в хищническое ведение ими рыбного промысла заставили Войско снова обратиться с жалобами к Правительствующий Сенат на жителей Кагальницкой слободы, кр. Св. Дмитрия, Азова, Нахичевани. По этому поводу указом Пр. Сената от 8 апр. 1801 года разрешалась рыбная ловля в местах, по документам означенным поселениям и крепостям принадлежащих, а также в Азовском море, на местах не запрещенных, всякому желающему. „В местах же, Войском Донским владеемых, никакими снастями рыбной ловли не производить“.

Споры и столкновения казаков с иногородними жителями Рост. у. Екат. губ. в XIX веке снова возобновились. Донское Войско вновь начало настаивать на своих правах. Дело тянулось больше 10 лет, в нем приняли участие Херсонский ген. губ., Военное министерство, Министерство финансов и Войско Донское. 20 февраля 1819 года последовал указ Прав. Сената, которым за Войском Донским были признаны и подтверждены его старые права на рыбные угодья и промысел в Дону, гирлах и самом море, с соблюдением условия не закрывать входов в гирла со стороны моря. Кагальницким и другим жителям на косах близ гирл, „чтобы рыба не дувалась“, лову не производить, „но быть своему отдались от сих протоков в сторону“. Жителям Азова, кр. Св. Дмитрия и пр. разрешен был лов рыбы для собственного продовольствия, а не для торговли „не иначе как сетями и мелкими снастями с них делающимися, что распространить и на поселен Кагальницких“.

Упорядочение самого рыбного промысла на Дону и Азовском море началось с половины XVIII ст. В 1745 и 1762 г. г. предписаниями Военной коллегии были учреждены охранные заставы наблюдавшие за тем, чтобы ловля рыбы в Дону производилась снастями установленных размеров, и чтобы не перегораживали реку сетями от берега до берега. Охранные правила были расширены в 1766 г. запретом ловли рыбы в гирлах вентерями и пезодами, всякой ловли на косах близ гирл и вообще ловли крючковыми снастями.

Более подробные правила, касающиеся ловли рыбы были изданы в 1816 году, когда были учреждены и смешанные охранные команды от Войска Донского и Екатеринославской губ.

В 1819 году, в связи с разрешением спора о правах Войска Донского на рыбные угодья, были установлены подробные правила и ограничения, касающиеся самой ловли (размер и формы рыболовных снастей для ловли в Дону, в море; запрещенные употреблять крючковые снасти, перегораживать вентерями Дон зимой).

Шамба Балинов.

Положение калмычки в семье и обществе в прошлом и ее судьба в последнее десятилетие.

(Продолжение)*.

Одежда всех членов семьи шилась исключительно женщинами. Из овечьей шкуры шились по тому времени красивые шубы, полушубки; из шкуры молодого жеребенка шились разные платья: „даха“¹⁾ шаровары,

^{*)} См. № 8 журнала.

¹⁾ Род мундира.

шапки и т. д.; из тех же шкур выделывали кожу и шили для всей семьи „калмыцкие“ сапоги. Нитки и пратву заменяла „шёрвасан“ — высушенные и скрученные сухожилия животных.

Каждому мужчине требовался знаменитый калмыцкий аркан из конского хвоста и гривы. Сколько внимания и старания вкладывали в это дело калмычки!

Умение плести хороший, скользкий, крепкий и з то же время легкий аркан считалось одним из важных положительных достоинств женщины. При всем их старании, не всем женщинам удавалось это искусство, а те немногие счастливицы, которые успевали в этом, славились далеко, и сплетенный ими аркан ценился дорого.

Вообще достоинство женщины калмычки определяли не столько внешней красотой и привлекательностью, сколько их умением работать — «уларни»: если девушка умеет выделывать различную кожу, делать из них различные предметы домашнего хозяйства, шить соответствующие одежды, обувь; если умеет выделывать полость, ткать, прясть «хошлонг», «дасэн»; быстро и умело строить и разбивать кибитку; если к этому еще умеет плести аркан, — то она, по тогдашнему понятию, отличная невеста.

Кроме этих, так сказать, основных работ, на плечах калмычки лежало бесконечное множество повседневных домашних забот. Нужно было ежедневно — утром и вечером — выдаивать несколько коров, кобыл, распределять по назначению молоко, делать из него соответствующие напитки, готовить для всей семьи пищу, утром и вечером «курить» арьки, ходить собирать топливо, готовить зимний запас пищи: сушить и солить мясо, сушить и тщательно хранить «адак»¹⁾, сбивать необходимое количество масла на зиму и т. д. и т. п. В довершение всего, — ухаживать за детьми (какой должен был быть уход при таких условиях?). Разве можно перечислить все то, что должна была делать и делала калмычка?

Между бесконечным множеством разнообразной работы ей иногда, после обеда, удается урвать свободную минутку и она спешит в свою «черную» кибитку со страстным желанием посидеть в тени, дать отдых усталым ногам... Но и это ей не всегда удается: вдруг смотришь — по беспредельной степи беспечно скачет, измеряющий расстояние «от куряна до куряна», старший брат — «квэшии-аха». Вот он уже подскочил к «передней» кибитке. Ничего не поделаешь, надо идти «идэ-чигэ» подносить — угощать, ибо пренебречь тут никак большой позор для калмыков. Очень часто приходится ей подносить напиток с песней, потому что капризный «квэшии-аха» может сказать, что «с песней и напиток бывает слаще».

А вечером доить все те же коров, распределять молоко, готовить всем ужин, накормить и укладывать всех спать, накрыть на ночь огонь (чтобы «очаг не потух») и только тогда, поздней ночью, идти в свою «черную» кибитку с тем, чтобы с первыми петухами встать и снова приниматься за тяжелый трудовой день. Можно спорить, насколько производителен был ее труд, но она с раннего утра и до позднего вечера без отдыха и передышки трудилась и маялась. Так изо дня в день.

Несмотря на такой тяжелый рабочий день, она часто жертвовала своей короткой ночью для того, чтобы послушать певцов исторических былин. Среди калмыков того времени пользовались большой славой так называемые «джангарчи» — певцы героической калмыцкой поэмы «Джангар» и сказатели исторических легенд. Таких хороших «джангарчи» и сказателей было немного и они были приглашаемы издалека в хотон. Чтобы послушать такого певца, в просторной кибитке «до отказа» набивалась публика и, при тусклом свете лучины, не шевелясь и не смыкая глаз, с вечера до утра просиживала, жадно внимая словам певца.

В такую кибитку, после окончания своей дневной работы, поздно вечером робко входила «барэ» — молодая и, стараясь быть незамеченной, тихо садилась у дверей.

Любой профессор позавидовал бы вниманию такой аудитории! Как живо она переживала под заунывный мотив передаваемого героического прошлого своего народа. Глаза то зажигаются огнем восторга и радости, то наполняются горькими слезами. В трагических местах раздается глубокий стон с трудом сдерживаемых

рыданий всей аудитории. Особенно живо реагировала женская половина ее.

И то, как активно калмычка переживала целие героического прошлого своего народа, как чутко воспринимала сказание красивой легенды, служило ярким показателем того, что душа ее не удовлетворена той повседневной работой, тем положением в семье, той ролью в жизни, какую определила ей окружающая среда, условия патриархальной жизни, быт, традиция. И она мучительно тосковала о чем-то большем, возвышенном, общечеловеческом... Но не было возможности, надо было примиряться с суровой действительностью.

О физическом ее здоровье мало кто заботился. О так ей необходимой медицинской помощи в современном смысле слова тогда не было и помину. Докторов заменяли знахари, шептуны, которым на помощь приходил прекрасный, здоровый, степной воздух.

Сколько невыносимых страданий переносили калмычки-роженицы! Сколько молодых, полных сил жизней пашло преждевременную могилу от «сердечной» помощи при родах всезнаек-бабушек, каковая в большинстве случаев состояла в сильном давлении снаружи в область живота. И когда несчастная роженица от такой первобытной помощи ападала в обморок, то звонкой, сильной пощечиной, или другими не менее радикальными средствами ее приводили в сознание. Если и это радикальное «медицинское» средство не помогало, то бедные старухи взывали к Всемогущему Богу, кладя бесчисленные земные поклоны, принося в жертву одну теленку корову за другой (смотря по хозяйству). Так как здоровый, сильный организм в конце концов побеждал, и бедная женщина, после долгого мучительного страдания, в большинстве случаев благополучно разрешалась от бремени, то получалось: «Бог помог, молитвы услышаны, жертвы приняты».

А сколько детских жизней ушло в лучший мир от таких первобытных приемов лечения разных бабушек!

Личные удовольствия молодой калмычки ограничивались редким посещением вечеринок, на которые она, нередко тайно от старших, ездила с мужем в далекий, чужой хотон. В таких случаях она должна была возвратиться до зари домой и, не смыкая глаз, не подавая вида, что не спала, приступить к своей дневной работе.

Также время общей выделки кож, полостей (совместная работа всех женщин и девушек хотона) являлось для молодой радости и весельем, отвлекая ее на время, внося разнообразие в ее постоянно однообразную жизнь.

В таком тяжелом постоянном труде проходила незадачливая жизнь калмычки. За все это служило ей наградою потом дорогое и почетное имя «аджи» — старая мать, когда она освобождается от всех трудов, приобретает право исключительной заботы о спасении своей души «на том свете», всецело предается вымаливанию у Бога своих бывших и не бывших грехов.

В полном сознании исполненного долга, радостно отдавалась она религии.

И нужно сказать, что в таком понимании своей жизненной обязанности, в этом безропотном смирении со своим положением в семье и обществе, в жертвенном ее труде была своеобразная зрелость, красота, а самое главное — глубокий смысл жизни. Ее душа была полна верою, чего нельзя сказать в отношении некоторых современных женщин.

Так было в старину. Но времена меняются; меняются и люди. Близкое соседство с оседлым населением, частое общение с ним, а иногда и совместная жизнь, влияние культуры и все разрывающее время незаметно делают свое дело.

Кочевой образ жизни калмыков отходит в область истории. Начинается второй исторический период в их жизни — оседание на местах. Привилась новая система хозяйства — скотокопческо-земледельческая, заменившая чисто скотоводческо-пастушескую; появились хутора и станицы с соответствующими хозяйственными постройками. Стала доступной медицинская помощь; появились школы, куда калмыки охотно стали отдавать

¹⁾ Молочный кислый продукт, заменяющий у калмыков квас.

и девочек. Изменилась и психология калмыка, его взгляд на общественно-хозяйственную жизнь.

Быстрое восприятие внешнего лоска культуры и слабые зачатки образования сделали свое дело. Теперь калмык на многое из того, что в старину считалось непререкаемым законом, истиной, стал смотреть как на дикие привычки, предрассудок старины.

От старого отказаться было нетрудно, но приобрести новое, пополнить жизнь новым содержанием удавалось не легко. Можно было уже встретить много таких, которые от своего берега решительно отстали, но к чужому берегу не сумели пристать...

„Поверхностное приобщение к науке отталкивает от Бога, но полное приобщение к ней обратно приводит к Богу“, — говорит один немецкий философ.

К сожалению, этой участи не избежали и некоторые калмыки, что могло оказывать хорошую услугу в деле денационализации их, способствовать утере своих национальных калмыцких особенностей. „Культурное“ развитее подобных лиц не могло вызывать зависти.

... „Нельзя вступать в жизнь без солнечного восхода и без признательности; к кому или чему-нибудь надо питать молитвенные чувства, надо благоговеть и благодарить...“

К кому и чему могли питать молитвенные чувства, перед кем могли благоговеть и кого благодарить подобные, сбившиеся с родного пути, правда, единичные, т. н. „окультурившиеся“, лица?

Сказанное отчасти относится и к женщинам-калмычкам.

Стали девочки поступать в средние учебные заведения, появились и с высшим образованием. Громче и смелее стали говорить об освобождении женщины-калмычки от патриархального гнета, о равенстве прав с мужчинами. Под влиянием культурного населения и мужчины-калмыки не возражали против таких домогательств женщин. Лишь глубокие старики возмущенно ворчали под нос, принимая все эти новшества за знамение времени, за предтечу больших бедствий, несчастий. А молодежь стала на защиту попираемых прав женщин и стала проповедывать о свободе и равенстве их.

Помню одно Калмыцкое Национальное Собрание в 1917 году, после февральской революции. Присутствуют представители духовенства во главе с Бакшей-Ламой донских калмыков, и представители всех станиц — почтенные старики. Между другими вопросами разбирается вопрос о положении женщины-калмычки в семье и обществе. Молодой человек, радикально настроенный, как и вся молодежь того времени, держит речь. Перечислив все действительно тяжелые страдания женщин-калмычек, перенесенные ими в силу старых патриархальных традиций, быта, он с пафосом требует предоставления женщинам полной свободы и равного права с мужчинами. Группа учительниц (в том числе и девицы) демонстративно шумно аплодирует ему. И это в присутствии целого сонма духовенства и почтенных стариков! Это было характерное явление, свидетельствующее об уже состоявшемся фактическом освобождении женщины от патриархально-традиционных стеснений.

Таков был дух времени, но по существу такая демонстрация была излишней. Усиленно раздражая консервативную часть камыцкого общества, она не приносила конкретной пользы делу освобождения женщины. Между тем, как сказано выше, время и смежная жизнь с культурным населением делали и без того свое дело в пользу женщин.

В связи с изменением хозяйства калмыка, изменились и условия жизни калмычки. Многие из того, что раньше делалось исключительно руками женщины, теперь уже приобретало в готовом виде: материалы для одежды, обуви, посуды и т. д. теперь не нужно уже выделывать женщинам; исчезла надобность в постройке, разборке и переноске кибиток, раньше так часто практиковавшихся и отнимавших много времени у женщин. Стало возможным выкраивать время для своего отдыха, удовольствия, отчасти удовлетворения и духовного заврса души.

Теперь уже нет того веселого, радостного, как праздник ожидаемого молодыми женщинами, „шир кэлгэн“,*) где немолчно в течение нескольких недель непрерывно звучала песня молодежи, молодые радостные голоса; где царил неподдельное молодое веселье, брелчанье домборо-балалайки, где происходили разные невинные флирты, завершавшиеся иногда счастливым браком. Нет шумной совместной „ишэгэ-кэлгэн“, „хошолопг томолгэн“, „эх кэлгэн“, „аргамджи, дэсэ гюрэлгэн“. Все эти виды совместной работы представляли из себя зачатки примитивной формы взаимопомощи в области производства или, по современному, — кооперацию.

Нет глубокого почитания старших, беспрекословного подчинения мужу и жертвенного примирения „с женской участью“. Теперь очень редко можно найти женщину, умеющую все делать. Нередко можно найти женщин не имеющих даже представления обо всем этом и искренне ужасающихся деспотизму режима старого времени.

Все „погребено, позабыто и не воскреснет вновь“.

Тем не менее и при новой системе хозяйства и жизни на плечах калмычки оставалось многое. Кроме повседневной работы в доме, она должна ухаживать, присматривать за скотом, активно помогать мужу в полевом хозяйстве, а в последнее время всецело на ней лежало огородничество (хотя и в зачаточной форме) и бахчеводство.

Она всю семью обшивала (калмыки до самого последнего времени ничего портному не давали, почему все женщины обязательно должны уметь шить домашние платья), много занималась рукоделием.

С начала Великой войны 1914 года, когда многие мужчины ушли на войну, хозяйство калмыка снова легло почти исключительно на плечи женщины. Она везде должна была справляться сама: и дома и в поле. Это положение усилилось во время войны с большевиками, когда все мужчины-калмыки почти поголовно ушли на войну.

В ведении самостоятельного хозяйства и при новом порядке многие калмычки проявили большую способность, сметку; очень многие из них в отсутствие мужей умелым ведением, отменным трудолюбием успели поднять и расширить свои хозяйства. Они снова подтвердили свою хозяйственную способность, выносливость и трудолюбие.

Таково было положение калмычки в семье и обществе до 1917 года.

Наступила эпоха войны с большевиками. Столкнулись в великой схватке слепой фанатизм и трезвый ум, горячее чувство и здравый рассудок. И в этой жестокой борьбе все пошло на смарку; все перевернулось вверх дном...

С таким трудом собиравшееся, с такой любовью оберегавшееся женщиной-калмычкой хозяйство разлетелось по лицу земли. Брали и свои и чужие: перед этой стихией времени опустили и сильные руки калмычки — не было никакой человеческой силы удержать, остановить это стихийное разрушение; всё разлеталось; всё крушилось.

Кроме лишения своего хозяйственного достоинства, она увидела и нечто ужасное для себя: над ее основной жизнью, величайшей духовной ценностью ее жизни — религией — люди надругивались безнаказанно. Религия была объявлена величайшим злом человеческого рода, „ошиумом народа“ и... небо не разверзлось, гром не сразил этих кощунствующих людей.

Хурулы-монастыри, где калмычка находила духовное прибежище, искала спасения души, были осквернены, разрушены, а служители их объявлены врагами народа**).

*) Общая совместная выделка кож для одежды, обуви, посуды.

***) Между прочим, ген. А. И. Деникин в своих „Очерках Русской Смуты“, описывая „жестокое гонение на Церковь, глумление над служащими ее; разрушение мно-

В полном недоумении, беспомощно разводила руками калмычка, отчаянно молила Бога о помощи, но помощи не было видно...

Видя это безудержное разрушение, не одна женщина мучительно задавала себе вопрос: зачем все это собирала, оберегала, для чего так часто отказывала себе в самом необходимом? Кровью обливалось ее сердце, когда она видела исчезновение результатов своих долгих, тяжелых трудов. Но горе ее не ограничилось этим. Ей приготовлены были впереди еще более тяжкие испытания.

Сколько физических мучений, нравственных надругательств претерпела многострадальная, великая в своем горе, женщина-калмычка от „героев“ смутной эпохи!

Было много старух, над которыми надругались пьяные солдаты группами „по-ваходно“. Несчастные старухи потом со слезами на глазах рассказывали о перенесенных мучениях, страданиях и с удивительным смирением принимали свое несчастье, как кару Божью за грехи своей прежней жизни (вера в перевоплощение души).

Было много молодых, здоровых и интеллигентных и простых женщин, которых вооруженные пьяные солдаты уводили на ночь „в штаб на допрос“, а утром возвращали „оправданными“, но с явными следами пьяных надругательств, с загубленной молодой жизнью. Много молодых женщин тут же, на месте преступления, не выдержав диких, зверских глумлений, еще до „окончания дела“ уходило в лучший мир. „Герои“, выполнив свое „блестящее“ дело, с веселой песней уходили, а там белый грудной ребенок, хватаясь за грудь холодного трупа своей матери, плача и царапая лицо умершей, тщетно пытается разбудить „спящую“ мать.

Безгласное, несчастное создание! Куда ей было жаловаться, где ей было искать заступничества! Несчастные жертвы! Пусть души их обретут лучший мир!

Дальше стало еще хуже. Пришлось оставить на произвол судьбы свои родные места, так долго и упорным трудом свитые родные гнезда.

С малыми детьми, со всем домашним скарбом, на неприспособленных для такого дальнего пути тяжелых, неуклюжих подводах, в зимнюю бурю пустились калмычки в неведомую даль. Именно женщины, ибо мужчины почти поголовно были в войсковых частях на фронте.

Куда, зачем? — Не все ли равно, лишь бы не сидеть в бездействии, в ожидании неизвестного грядущего! И этот тяжкий исход из Родных Краев не принес им, бедным женщинам, того результата, какого ожидали: немногим из них удалось избежать той участи, какая ожидала их на месте, от грядущего неизвестно о, безликого, страшного.

Какую нечеловеческую изворотливость, выносливость и терпение проявили в своем упорном желании двигаться вперед эти молчаливые, безропотные создания! Помимо небывало-суровой зимы, доставившей беженцам ужасные страдания (на безлюдной маньчжурской равнине беженцы сплели и рядом ночевали в степи, где снежная буря за ночь успевала покрыть сугробом их походные подводы-шалаши), тыловые „герои“ доставили

гах храмов, с кощунственным поруганием свитынь, с обращением дома молитвы в увеселительное заведение... говорит: „... интересно, что религиозные преследования относились только к православным: ни инославные храмы, ни еврейские синагоги в то время ни сколько не пострадали“.

Очевидно, под „инославные“ подходят и калмык-буддисты. Если это так, то такое утверждение совсем неправильно. Калмыцкие буддийские Хурулы (храмы-монастыри) и их служители подверглись столь же тяжелой участи с самого начала Смуты. Так что деление на „в то время“ и после невозможно. Разница лишь в том, что там после „кощунственных поруганий свитынь“ церкви обращались в „увеселительное заведение“, „больницу для сифилитиков-красноармейцев“, а здесь, после всяческих поруганий и кощунств Хурулы-церкви просто сжигались, а священные, драгоценные писания пускались по ветру и служили для „известной“ надобности.

им много горя и страданий: эти „герои“ отнимали у них скот, лошадей, — они из остатков сколачивали новое, еще более первобытное тягло и двигались дальше; „герои“ бросали с моста их подводы со всем их домашним скарбом, — они садились на оставшихся кляченок и продолжали свой мучительно-тяжелый путь; отнимались седла — садились сключки; падала или подбивалась лошаденка — они шли дальше пешком; развалились сапоги? — ничего, подмотаем тряпками. Грязь, острые камни, кровь течет из ирезанных ног? Ничего, кровь еще не застыла в жилах...

— Куда идешь, куначка? Впереди море, все равно уиришь...

— Ничего, и сзади смерть и впереди смерть... Буду идти до тех пор пока держат ноги. Ноги откажутся держать — доплюну на четвереньках... Лишь бы двигаться...

По злой иронии судьбы, это их и без того тяжелое положение еще более ухудшалось некоторыми своими же братьями-калмыками. Появилось много „карательных“ отрядов, во главе с каким-нибудь не в меру ретивым служакой офицером-калмыком. Эти люди, поистине неведающие, что творят, не понимающие кого и во имя чего „карают“, забирали в беженских группах мужчин, не исключая инвалидов и престарелых стариков, в „войсковые части“, а в действительности для создания себе „особого отряда“ с тем, чтобы в нем играть роль начальника, чем очень часто ставили в безвыходное положение своих сестер, жен, матерей. В этом „действии“ не последнюю роль играл б. Член Донского Войскового Круга, ныне вернувшийся в С. С. С. Р. Саижа Учурович Пунцукон.

Множество таких причин в конце-концов надломило силу женщины: всему бывает предел. И во многих случаях припел конец выносливости и крепости женщины-калмычки. Были случаи, когда последние, потеряв все свое добро, исчерпав все виды и возможности дальнейшего движения, трагически пасовали: ставили на дороге, в грязи, своих детей, а сами с диким хохотом бросались в сторону, куда глаза глядят, сходили с ума.

Только ли это? Конечно же нет! Нет никакой человеческой возможности, хотя бы приблизительно, описать всю глубину и разнообразие страданий, вынесенных калмычкой на всем протяжении этого ужасного пути: Дон-Туапсе-Сочи-Новороссийск.

И несмотря на такое упорство, выносливость, немногие из них дошли до берегов Черного моря. Из этих, с таким трудом достигнувших заветного берега, немногим удалось попасть на еще более занятый борт парохода.

В силу сложившихся обстоятельств, в виду совершенной невозможности дальнейшего продвижения, огромное большинство поголовно выехавшего из родных мест калмыцкого беженства вынуждено было остановиться и отдаться на милость победителя, от чего так упорно, с такими жертвами бежали. И им действительно пришлось горькую чашу выпить до дна.

Лишь незначительная часть добралась до берега моря. Что творилось на пристанях, какие душевные страдания происходили здесь — видели все и не стоит описывать, да и не возможно.

Последний моральный удар, самую жестокую нравственную обиду калмычки получили от тех, кто был хозяевами пароходов в Новороссийске и которые, направляя свой штык на пытающегося пробраться на пароход калмыка, грозно рычали: „Чорт косоглазый, куда лезешь! Отваливай, беда не велика, что вас растерзают. Всяжу штык в твою поганую харю!“ А в это время молодой калмыцкий полк, сохранивший дисциплину, чуть ли не один защищал последние подступы к Новороссийску от подступающего врага. „Привеллигированные“, под охраной „поганых харей“, садились на пароходы, а последние защитники были предоставлены на растерзание озверевшего врага... Такова справедливость!

Эта горькая обида выразилась в народной песне калмыков:

... Усилия и искусство вождей напрасны —
Настало время с Родиной расстаться.
И в минуту отчаянья, в час расплаты
Русские начали от нас отделяться...

(Окончание следует).